

4

ПРИНЦИПЫ ПРАВСТВЕННОСТИ

Совершенное действие

На четвертом этапе благородного восьмеричного пути мы переходим от совершенной речи к совершенному действию, *самьяк-карманте* (пали *самма-камманта*). Это третий этап пути изменения, который представляет собой проникновение совершенного видения во всю нашу деятельность и ее изменение под влиянием такого видения. *Карманта* буквально означает «действие», так что странно объяснять этот термин не нужно, ну а *самьяк*, как уже неоднократно отмечалось, означает «полный», «цельный», «законченный», «совершенный». Поэтому следует говорить не просто о правильном действии, но о совершенном действии.

Вопрос о том, в чем заключается совершенное действие, очень важен. Он подводит нас прямо к сущности этики и заставляет задуматься над ее основными принципами. Что делает одни поступки правильными, а другие — неправильными? Существует ли некий универсальный критерий, в свете которого можно сказать, что правильно, а что неправильно, что совершенно, а что не совершенно? И если такой критерий существует, где его найти? Какова его природа? Все это крайне насущные и неотложные вопросы, имеющие отношение ко всем нам. Нравится нам это или нет, но действовать приходится

каждый день, каждый час, даже чуть ли не каждую минуту. Поэтому перед нами неизбежно встает вопрос: как лучше всего действовать, каким должен быть критерий, ведущий принцип или повод наших поступков?

«Падение нравов»

Церковники, да и другие люди, постоянно сетуют на так называемое падение нравов. Считается, что последние десятилетия мы становимся все более безнравственными, так что, полагаю, сейчас пребываем в плачевном состоянии. Падение нравов обычно напрямую связывают с упадком религии, в особенности религии ортодоксальной. Нам говорят, что, отвернувшись от церкви, мы тут же погрузились в бездну, в трясину безнравственности. На это можно возразить, что традиционные моральные устои весьма расшатались. Многие больше не верят в существование каких-либо твердых норм правильного и неправильного. В семнадцатом веке один из кембриджских платоников по имени Ральф Кадворт написал книгу, которую озаглавил «Трактат о вечной и незыблемой морали». Вздумай сегодня кто-нибудь, будь то архиепископ Кэнтерберийский или сам Папа, написать книгу с таким названием, это выглядело бы просто смешно. Даже великие гуманисты и вольнодумцы девятнадцатого столетия, столь далеко ушедшие в своих интеллектуальных поисках, по-прежнему оставались приверженцами христианской морали. Такие люди, как Дарвин, Гексли и даже Маркс выглядят образцами нравственности, если не считать двух-трех оплошностей, допущенных в «личной жизни». Но сегодня все в корне изменилось. На днях одна юная леди объяснила мне: «Если ты что-то делаешь и тебе от этого хорошо, значит, это правильно, по крайней мере, для тебя». Это очень распространенная точка зрения. Быть может, ее не всегда выражают так явно, открыто и искренне, но на самом деле так думают очень многие.

82 Принципы нравственности

Такая тенденция необязательно плоха. В конце концов, может, это и к лучшему, если наши моральные принципы попадут (на время, надо надеяться) в плавильный котел и нам придется заново осмыслить, заново прочувствовать и даже заново придумать нашу нравственность. Можно будет только радоваться, если в итоге из руин старой этики возникнет новая.

Иудейско-христианская этика

Если бросить взгляд в прошлое, кажется, что западная этика сделала первый шаг не с той ноги. Наша этическая традиция — явление весьма разнородное. В ней есть элементы, восходящие к древнегреческой и римской традиции, есть иудейско-христианские элементы, а есть и элементы германского язычества, особенно в странах Северной Европы. Но хотя в нашей западной этической традиции переплелось множество нитей, преобладает в ней иудейско-христианский элемент. Это и есть та «официальная» мораль, которой, по крайней мере в прошлом, на словах придерживались все люди, независимо от личных склонностей и предпочтений.

В этой иудейско-христианской этике нравственность традиционно рассматривается с позиции закона Божьего. Нравственные обязательства или нравственные правила вменены человеку Богом. Это хорошо иллюстрирует библейское предание о происхождении Десяти Заповедей. Моисей восходит на гору Синай и там среди грома и молний получает от Бога Десять Заповедей. Спустившись с горы Синай, он вручает их детям Израиля (на произведениях христианского искусства его изображают с двумя похожими на надгробия каменными скрижалями под мышкой — именно на них были начертаны Заповеди). Таким образом, принцип этики изображен, как нечто навязанное человеку извне, можно сказать насильно, некой

внешней силой или властью. Согласно Ветхому Завету, Бог сотворил человека из праха земного и через ноздри вдохнул в него жизнь. То есть — это тварь Божия, почти что раб Божий, и, стало быть, его долг — повиноваться. А неповиновение — грех.

Еще одна иллюстрация такого подхода — история грехопадения. Всем известно, что Адам и Ева были наказаны за несоблюдение откровенно деспотического приказа. Бог сказал: «А от дерева познания добра и зла, не ешь от него». Но он ничем не обосновал свой запрет. Сегодня мы, конечно, знаем, что подобные истории носят мифический характер, и пусть в их фактическую достоверность верят совсем немногие, тем не менее, принцип, который в них изображен, остается незыблемым. Показательно уже само слово «заповедь». Показательно, что в ветхозаветной морали закон или правило нравственности — это «заповедь», то есть приказ, который ты обязан исполнять, к которому тебя, можно сказать, принуждает некая внешняя сила или власть.

Оба эти примера взяты из Ветхого Завета, но христианство, конечно же, выходит за пределы ветхозаветной этики, правда, не так уж далеко и довольно-таки несовершенно. Разумеется, истоки собственно христианской этики следует искать в учениях Иисуса, которые содержатся в четырех Евангелиях. Однако, согласно христианской традиции, Иисус это Бог, и если сам Бог велит вам что-либо делать, то за таким приказом, конечно же, кроется огромная сила власти. Таким образом, человек совершает тот или иной поступок не столько потому, что он хорош, сколько потому, что ему велят, даже приказывают так поступать и приказ исходит от того, в чьих руках сосредоточена вся власть на небесах и на земле. Стало быть, христианская этика — это, в общем-то, тот же самый этический принцип чего-то принудительного, навязанного человеку извне, к чему он должен приспособливаться. Таково наше традиционное наследие. Таков образ мышления,

84 Принципы нравственности

который, осознанно или неосознанно, влияет на всех нас, когда мы думаем об этике.

В наше время большинство людей в Великобритании не являются христианами в сколько-нибудь значимом смысле этого слова. И тем не менее, они по-прежнему склонны понимать мораль, этику именно так: как обязанность, возложенную на них извне, как приказ, которому они обязаны подчиняться. В заключение можно, пожалуй, так охарактеризовать нынешнюю позицию традиционной этики: необходимо делать не то, что хочешь, а то, чего не хочешь, потому что по непонятным нам причинам так велел тот, в чье существование мы больше не верим. Неудивительно, что мы изрядно запутались. Неудивительно, что у нас нет никаких нравственных ориентиров, а потому нам приходится типично по-британски кое-как пробираться наощупь. И несмотря на все наши попытки придать жизни какой-то смысл и обнаружить в событиях какую-то закономерность, там, где дело касается этики, нас окружает полная неразбериха.

Буддийский критерий

Я не хотел бы преувеличивать или создавать слишком резкие, драматические контрасты, наподобие черного и белого, но в буддийской традиции отношение к этике весьма отличается от того, о котором я только что рассказал. Это касается всей восточной и, в первую очередь, дальневосточной традиции. Согласно учению Будды, в том виде, как оно сохранилось в традиции любой школы, правильность или неправильность действия, его совершенство или несовершенство, определяется состоянием ума, в котором его совершили. Другими словами, здесь нравственный критерий является психологическим, а не теологическим. Правда, нельзя сказать, чтобы Запад был вовсе не знаком с этим принципом, хотя бы в рамках христианства, но если

брать буддийскую этику, а точнее дальневосточную этику, буддийскую, даосскую или конфуцианскую, в ней этот критерий является единственным. Этот критерий применяется повсеместно и строго выдерживается до самого конца.

Согласно буддийской традиции, есть два вида действия: искусное (санск. *каушалья*, пали *кусала*) и неискусное (санскр. *акаушалья*, пали *акусала*). Это важно, потому что понятия «искусный» и «неискусный», в отличие от понятий «хороший» и «плохой», предполагают, что нравственность очень во многом зависит от разума. Вы не можете считаться искусным человеком, пока не научитесь понимать происходящее, пока не сумеете видеть и анализировать различные возможности. Поэтому в буддийском понимании нравственность настолько же зависит от разума и интуиции, насколько от благих намерений и добрых чувств. В конце концов, все мы слышали, что благими намерениями вымощена дорога в ад, но едва ли можно сказать, что дорога в ад вымощена искусными действиями.

Неискусными называют действия, которые коренятся в привязанности или эгоистическом желании, в ненависти или отвращении, а также в умственной неразберихе, недоумении, духовной слепоте и неведении. Искусные поступки — это такие, которые свободны от привязанности, ненависти, умственной неразберихи. Напротив, их положительными побуждениями являются щедрость — стремление отдавать или делиться, а также любовь, сострадание и понимание. Проведя это простое различие, можно сразу увидеть всю тему нравственности в совершенно ином свете. Вести нравственную жизнь — значит действовать, исходя из самого лучшего, что в тебе есть: из самого глубокого знания или проникновения в суть, из самой самоотверженной любви и самого чуткого сострадания.

Теперь мы уже начинаем понимать, что такое совершенное действие. Это не просто действие, которое согласуется с некой внешней нормой или критерием, но действие,

выражающее совершенное видение и совершенное чувство. Совершенное действие представляет собой проникновение совершенного видения и совершенного чувства на уровень действия, точно так же как совершенная речь представляет собой их проникновение на уровень общения. Другими словами, когда человек, достигший совершенного видения и воспитавший в себе совершенное чувство, переходит к действию, он спонтанно выражает это видение и эмоциональное переживание в своих поступках.

Модели нравственного поведения

К этому моменту те, кто серьезно изучает буддизм, вполне могут задаться вопросом: «А как в эту картину вписываются пять или десять *шил*, т. е. заповедей? Разве они не являются тем сводом правил нравственности, который ввел сам Будда и которому мы должны следовать?» На это можно ответить: хотя шилы, или своды заповедей, действительно проповедовал и советовал исполнять сам Будда, он не вводил их с позиции силы, как это сделал Бог с десятью заповедями. По сути, Будда говорит, что просветленный, то есть тот, кто достиг состояния будды и тем самым обрел все многообразие мудрости и полноту сострадания, неизбежно будет вести себя определенным образом, потому что такова природа просветленного. Более того, чем ближе вы сами подходите к просветлению, тем в большей степени ведете себя таким же образом. Если же вы не просветленный или не полностью просветленный, то соблюдение шил, или заповедей, поможет вам пережить то состояние ума, выражением которого они обычно являются.

Поясним это на примере. Мы говорим, что просветленный, то есть будда, свободен, скажем, от привязанности или эгоистических желаний. У нас-то самих полно всяких привязанностей. Мы привязаны к той или иной пище,

у нас есть пристрастия к тем или иным вещам. Предположим, ради эксперимента мы перестаем употреблять свое самое любимое блюдо. Мы отказываемся от него, решаем больше к нему не притрагиваться. С великим прискорбием и сожалением мы закрываем дверцу холодильника. Мы боремся с искушением, скажем, с любовью к сливовому пирогу. (Я знал одного буддийского монаха, который питал удивительное пристрастие к сливовому пирогу. Ходили слухи, что за большой сливовый пирог от него можно получить все что угодно!) И что же происходит? Мы вынуждены немного пострадать, нам приходится нелегко. Иногда это становится трудным испытанием. Но если мы его выдержим, если будем гнать от себя образ сливового пирога, привязанность постепенно уменьшится и в конце концов мы достигнем счастливого состояния, в котором совсем нет привязанности и мы даже не вспоминаем об этом предмете. Наше воздержание от сливового пирога уже больше не дисциплинарная мера — оно стало подлинным выражением состояния непривязанности, которого мы достигли.

Шилы, или заповеди, — не просто свод правил, хотя в буддийской литературе их иногда трактуют именно так. Слишком часто Будду изображают так, будто он перечислял все, чего люди не должны делать, при этом создается впечатление, что буддизм — нечто очень скучное и состоящее из одних запретов. Но в действительности *шиллы* — это всего лишь образцы нравственного поведения. Они являются естественным выражением некоторых искусных состояний ума. Поскольку они естественно выражают искусные состояния ума, то, сверяя свое поведение с шиллами, можно определить, в какой мере мы развили эти состояния в себе. Поэтому давайте кратко обозрим некоторые из *шилл*, или моделей нравственного поведения. В качестве свода правил они знакомы многим, поэтому нам не придется тратить на них слишком много времени.

Так или иначе, мы не собираемся слишком близко отождествлять совершенное действие с любыми его конкретными выражениями, пусть даже самыми достойными и благородными.

Позвольте для начала сделать одно замечание. У разных людей модели внешнего нравственного поведения могут быть одинаковы, притом что за ними стоят совершенно разные состояния ума. Это может показаться сложным, хотя на самом деле все очень просто. Предположим, например, что три разных человека воздерживаются от воровства. Возможно, первого очень сильно тянет к воровству, но он сдерживает себя из страха перед полицией (ведь многие руководствуются именно такими моральными принципами). Второй слегка склонен к нечестности. Заполняя декларацию о доходах, он испытывает серьезное искушение сплутовать, но не поддается ему, потому что старается жить духовной жизнью. То есть склонность существует, но ее удается обуздать. А третий человек полностью искоренил привязанность. У него нет никакой склонности, никакой тяги к нечестности. Первого человека, который воздерживается от кражи из страха перед полицией, можно назвать нравственным лишь в правовом смысле. Вторым, который чувствует побуждение украсть, но преодолевает его, является нравственным в том смысле, что практикует правильное действие в узком «дисциплинарном» смысле. И только третий человек, который воздерживается от воровства, потому что это для него естественно, практикует совершенное действие по-настоящему.

Пять шил и пять дхарм

Наиболее известная модель нравственного поведения — это модель пяти *шил*, которую обычно называют «пять заповедей». Как правило, эти заповеди носят запретитель-

ный, то есть отрицательный характер, то есть диктуют нам, чего не нужно делать. Однако для каждой такой отрицательной заповеди существует свое утвердительное соответствие. Очень примечательно, что в современной буддийской литературе утвердительные соответствия известны гораздо меньше, чем отрицательные. Многие слышали только о пяти *шилах* и ничего не слышали об их положительных соответствиях, о пяти *дхармах*. В данном контексте пять дхарм можно перевести, как «пять этических принципов». Мы кратко рассмотрим пять заповедей и пять дхарм одну за другой — сначала отрицательную формулировку, а затем утвердительную. Так мы получим уравновешенную картину этой конкретной модели буддийской этики.

Первая из пяти заповедей — **воздержание от причинения вреда живым существам**. Таков буквальный перевод. Хотя иногда эту заповедь переводят «не убий», в действительности речь здесь идет не только об отказе от убийства, но и от любого причинения вреда. Это означает воздержание от всех видов насилия, от всех видов угнетения и от всех видов ущерба. Насилие несправедливо, потому что в конечном счете оно прямо или косвенно основано на неискреннем состоянии ума, а именно на ненависти или отвращении. И если мы предаемся насилию, то в результате это неискреннее состояние ума, естественным выражением которого и является насилие, становится еще более мощным и властным.

Утвердительная противоположность воздержания от насилия — это практика *майтри* (пали *метта*), т. е. любви и дружелюбия. В данном случае майтри — не просто эмоция или чувство, она воплощается в действие, в практику. Недостаточно просто питать добрые чувства по отношению к другим — эти чувства должны выражаться в действиях. Иначе, если мы будем любоваться ими и думать, какие мы добрые, как мы всех любим, все ограничится эмоциональным самодовольством, если не сказать

хуже. Поэтому здесь необходимо следить за собой. Часто мы думаем, будто любим других людей, по крайней мере, некоторых. Но на поверку оказывается, что мы никогда не выражаем свою любовь, считая, что другим и так все понятно.

Вот всем знакомый пример — супруги женаты уже лет двадцать или тридцать, и муж никогда не удосужится принести жене цветы или коробку конфет. А если его спросить: «Разве вы не любите свою жену? Ведь вы никогда не подарите ей ни цветов, ни коробки конфет!», — то муж, как правило, ответит: «А зачем? Разумеется, я ее люблю, да она и сама должна об этом знать после стольких-то лет!». Это характеризует его как очень плохого психолога. Окружающие не обязаны принимать как должное или воображать, что мы к ним хорошо относимся. Это должно быть видно из наших поступков и слов. Необходимо предпринимать конкретные шаги, чтобы сбереечь дух дружбы и любви. Вот почему во всех областях человеческих отношений, особенно отношений между буддистами, придается такое значение обмену визитами и подарками. Недостаточно сидеть в собственной квартире или даже келье, излучая мысли, исполненные любви. Какими бы добрыми и прекрасными ни были эти мысли, они должны обрести какое-то конкретное выражение. Только тогда ваши мысли смогут быть ощутимо восприняты другими людьми.

Вторая из пяти заповедей — **воздержание от присвоения того, что не дано**. Это, опять же, дословный перевод. Имеется в виду не только воздержание от воровства, обойтись без которого было бы достаточно просто. Вторая заповедь подразумевает воздержание от любой нечестности, от любого незаконного присвоения или использования, потому что все эти действия суть выражения привязанности или эгоистического желания. Утвердительная же противоположность воздержания от присвоения того, что не дано, — *дана*, или щедрость. Здесь тоже имеются

в виду не только ваши щедрые чувства и желание отдавать, но и сам акт щедрости. На этом можно больше не останавливаться. Все, кто хоть какое-то время имел контакт с живым буддийским учением, прекрасно усвоили, что такое *дана*.

Третья заповедь — **воздержание от распутного поведения**. В сутрах Будда объясняет, что в контексте пяти заповедей под распутным поведением понимается изнасилование, похищение и прелюбодеяние. Все три действия считаются неискусными, потому что в них выражается как привязанность, так и насилие. В случае изнасилования и похищения, которые в сравнительно малоорганизованном обществе, существовавшем во времена Будды, были, по всей видимости, довольно распространенным явлением, жертвой насилия становится сама женщина, а если она несовершеннолетняя, то и ее родители и опекуны. В случае прелюбодеяния жертва насилия — постоянный сексуальный партнер данного человека, так как это умышленно разрушает их семейную жизнь. Здесь следует отметить, что в буддизме брак — это чисто гражданский договор, а не таинство. Кроме того, разрешен развод, а моногамия, с религиозной точки зрения, не является обязательной. В некоторых частях буддийского мира есть общины, где принята полигамия, которая не считается развратным действием.

Утвердительная противоположность воздержания от распутного поведения — *сантутти* (пали *сантутти*), или удовлетворенность. Для тех, кто не состоит в браке, удовлетворенность означает удовлетворенность холостым положением, а женатых или замужних — удовлетворенность признанным, принятым обществом партнером. Здесь удовлетворенность — не просто пассивное принятие существующего положения. Выражаясь языком современной психологии, удовлетворенность — это позитивное состояние свободы от использования секса для удовлетворения невротических потребностей в целом и,

92 Принципы нравственности

в частности, для удовлетворения невротической потребности в перемене.

Четвертая заповедь — **воздержание от лживой речи**. Лживая речь коренится в привязанности, ненависти и страхе. Говоря ложь, вы делаете это либо потому, что чего-то желаете, либо потому, что хотите нанести кому-то обиду или причинить вред, либо потому, что по той или иной причине боитесь сказать правду. Таким образом, неправдивость коренится в неискusstных состояниях ума. Здесь можно обойтись без примеров. Положительная противоположность воздержания от лживой речи — *сатъя* (пали *сачча*), или правдивость. Ее мы уже рассматривали в связи с совершенной речью.

Последняя из пяти заповедей — это **воздержание от спиртного и наркотиков, прием которых ведет к потере осознанности**. По поводу того, как следует истолковывать данную заповедь, существуют некоторые разногласия. В одних буддийских странах ее понимают как требование строгой трезвости, т. е. полного воздержания от спиртного; в других — как требование умеренного употребления всего того, что при неумеренном потреблении может вызвать опьянение. Поэтому каждый волен выбирать любое из этих двух толкований. Утвердительная противоположность пятой заповеди — это *смрити* (пали *сати*): внимательность или осознанность. Это и есть истинный критерий. Если вы можете пить без ущерба для своей осознанности, пейте, а если не можете, не пейте. Только следует быть честным с самим собой и не притворяться осознанным, когда ты навеселе. Таким образом, даже если понимать пятую заповедь как требование умеренности, ее утвердительная противоположность в подавляющем в большинстве случаев все-таки предписывает полное воздержание.

Таковы пять заповедей и пять принципов, которые являются собой широко известную и повсеместно принятую

модель буддийской нравственности или этики. Можно упомянуть еще две модели.

Бхикшу самвара-шила и бодхисаттва самвара-шила

Бхикшу самвара-шила (пали *биккху самвара-сила*) включает в себя сто пятьдесят заповедей, которые соблюдает получивший полное посвящение монах, и являет собой естественную модель поведения человека, полностью посвятившего себя достижению нирваны. Другими словами, если мы, не мысля ни о чем кроме нирваны и достижения нирваны, посвятим все свое время и энергию духовному пути, то модель нашего поведения совершенно естественно приблизится к той модели, которой соответствует перечень из ста пятидесяти заповедей. К сожалению, эти сто пятьдесят заповедей слишком часто понимают всего лишь как свод правил, в результате их внутренний смысл оказывается утраченным.

Бодхисаттва самвара-шила включает в себя шестьдесят четыре заповеди, которые соблюдает бодхисаттва, и являет собой естественную модель поведения человека, посвятившего себя достижению просветления на благо всех существ. Другими словами, если вы стремитесь достигнуть просветления, или состояния будды, не только ради себя, то есть не для того, чтобы возвыситься над всем этим и с жалостью взирать на всех погрязших в сансаре существ, а для того, чтобы, достигнув просветления, можно было вернуться и помогать другим, и если это является вашим единственным помыслом и устремлением, которому подчинено все остальное, тогда то, как вы говорите и действуете, — ваша естественная модель поведения — будет совпадать с моделью, соответствующей перечню из шестидесяти четырех заповедей бодхисаттвы. Но и тут дело не сводится к тому, чтобы, имея список правил, поочередно сверять с ним все свои поступки. Это живой дух, живое сердце бодхисаттвы естественно выражается в том

поведении, которое приближается к заповедям бодхисаттвы, или точнее, в том поведении, приблизительным описанием которого являются эти заповеди.

Целостное действие

Поскольку природа совершенного действия теперь должна быть ясна, остается рассмотреть последний вопрос. Совершенное действие — это еще и целостное действие или, лучше сказать, целостное деяние: деяние, в котором участвует целиком всё «я» человека. Многие люди слишком раздроблены, слишком расщеплены, чтобы действовать всем своим «я». Большую часть времени в действии принимает участие только какая-то наша часть. Приходя в свой офис или на фабрику, отдаетесь ли вы работе целиком? Думаю, что нет. Возможно, вы вкладываете в работу значительную часть своей энергии, и все-таки значительная ее часть останется дома или где-то в другом месте. Вы не отдаете себя работе целиком, не уделяете ей полного внимания, интереса и рвения. Если у вас есть хобби, вы очень редко отдаетесь этому хобби целиком, и совсем не часто целиком отдаетесь семейной жизни. Всегда что-то остается или упускается, так что в любом действии участвует только наша часть. Даже если мы действуем исходя из самого лучшего, что в нас есть, из самых благородных побуждений, добрых и щедрых, то даже и в этом случае наше действие не будет целостным деянием, поскольку внутри нас еще остаются недобрые и нещедрые побуждения, исходя из которых мы в данный момент не действуем. Так что даже наше правильное действие — так называемое совершенное действие — несовершенно в том смысле, что оно не целостно.

Совершенное действие в наиболее полном смысле — это прерогатива будды: только просветленный ум может действовать с полной отдачей, вкладывая в каждое дея-

ние всю свою мудрость и все свое сострадание, ничего не оставляя и не упуская. Олицетворением этого аспекта будды является зеленый дхьяни-будда Амогхасидхи, или Беспрепятственное Достижение. Амогхасидхи олицетворяет собой целостное деяние на высочайшем мыслимом уровне.

В редких случаях мы сами на своем уровне бытия можем испытать предвкушение совершенного действия (то есть целостного деяния). Бывает, что мы полностью погружены в какое-то занятие. В это мгновение вложена каждая капля нашей энергии, нашего усилия, нашей осознанности, нашего интереса, рвения, нашей любви. Мы целиком участвуем в действии, как эмоционально, так и интеллектуально. Именно в такие моменты мы узнаём, что способны отдаваться действию целиком, ничего не оставляя. Мы узнаём, что способны — по крайней мере на миг — выразить себя целиком и полностью. Удовлетворение и облегчение — даже покой, которые мы тогда испытываем, невозможно получить ни из какого другого источника и никаким другим способом. Это и есть то состояние, к которому нужно стремиться, чтобы находиться в нем все время, на самом высоком уровне — на уровне состояния будды или просветления. Тогда мы по-настоящему узнаем, что такое совершенное действие, целостное деяние. Тогда мы по-настоящему, из самого истока, поймем принципы этики.